

В.В. КУЧМА

ФЕНОМЕН РЕЦЕПЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ ВОЕННО-УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЭПОХИ ПЕТРА I

С точки зрения внутренней структуры своей содержательной сущности право представляет собою чрезвычайно сложное явление. Новаторство и традиционализм, самостоятельность и заимствование, оригинальность и подражание - эти черты, кажущиеся на первый взгляд несовместимыми, антагонистическими и даже взаимоисключающими, в реальной жизни составляют неперенные атрибуты того противоречивого единства, каковым является правовая система данного общества. При этом заимствование и подражание сообщают правовой системе отнюдь не больший элемент ущербности, чем приносят достоинства, а ее самостоятельность и оригинальность. Впрочем, названные противоположности в чистом виде в праве практически не встречаются. Их обнаружение и фиксация - это сфера исключительно теоретических, зачастую чисто умозрительных построений. В практической же юриспруденции все элементы действующей правовой системы равноценны по степени реальной значимости, и законодатель никогда не проводит различий между ними по критерию оригинальности. Когда возникает необходимость сформулировать новую правовую норму, законодатель никак не ограничен в выборе средств для самовыражения. К его услугам - обширный арсенал юридических реалий, разработанных поколениями отечественных и зарубежных мыслителей всех предшествующих эпох. При этом само понятие старого и нового в праве в высшей степени относительно: здесь чаще, чем в других отраслях знаний, новое оказывается лишь хорошо забытым старым. О некоторых, весьма любопытных проявлениях рецепции византийского права на российской почве и пойдет речь в настоящих заметках.

I

Факт значительного влияния византийского права на правовую систему Русского государства является совершенно бесспорным. Однако в различные

периоды нашей истории это влияние было существенно различным по масштабам и формам. В Древней Руси проявился любопытный феномен параллельного существования двух в значительной степени самостоятельных правовых систем - византийской и собственно русской, между которыми складывалось своеобразное «разделение труда» по отдельным отраслям и институтам права. Такое сосуществование продолжилось и в т.н. московский период русской истории, когда было положено начало образованию единого централизованного государства.

Унификация всех действовавших на российской почве правовых систем была осуществлена Соборным Уложением 1649 г. Институты церковного, брачно-семейного, наследственного права, а также уголовно-правовые нормы, касающиеся непосредственно наказаний, отныне перестали быть сферой применения византийского права - вся эта обширная область была инкорпорирована в единый комплекс социальных отношений, регулируемых заново созданным общегосударственным сводом законов, каковым по своему капитальному замыслу и являлось Соборное Уложение, система которого до известной степени соответствовала системе Кодекса Юстиниана.

Уничтожая изживший себя дуализм, законодатель одновременно дал понять, что византийское право не выкорчевывается окончательно и действие его отнюдь не упраздняется, поскольку источники, составлявшие его фундамент («правила святых апостолов и святых отцов и градские законы греческих царей»), внесены в общий перечень нормативных актов нового свода, причем поставлены в этом перечне на первое место¹. С наибольшей силой византийское влияние отразилось на уголовном праве Соборного Уложения, в гораздо меньшей степени - на его гражданском праве.

Ссылка на византийское право в Соборном Уложении несет в себе определенную смысловую нагрузку. По справедливому замечанию С.В. Юшкова, таким способом составители Уложения «стремились усилить авторитетность их законодательной деятельности». Однако составители чаще заимствовали из византийского права «не норму, а форму выражения этой нормы, юридическую терминологию»². Что же касается смыслового содержания права, то оно базировалось на подлинно национальной основе, так что «все чуждые влияния терялись в массе начал чисто русских»³. Именно в этом своем национальном качестве Соборное Уложение вызывало стойкий интерес в Западной Европе, о чем свидетельствуют его переводы на латинский (1663 г.), французский (1688 г.), немецкий и датский (оба - 1722 г.) языки⁴.

Соборное Уложение явилось последним примером крупного законодательного акта универсального, межотраслевого характера, по принципу которых строились российские кодификации до второй половины XVII в. В период становления абсолютизма стала развиваться отраслевая дифференциация законодательства; одновременно проявилось стремление к систематизации этих дифференцирующихся отраслей. Таким образом, российское право начинает оформляться в систему отраслевых законодательных актов, подлежащих последующей кодификации.

Начало этому процессу положила деятельность Петра I. При его особом внимании к проблемам военного строительства вполне объяснимым оказывается

тот факт, что военные отрасли права подверглись кодификации в первую очередь. Среди нескольких памятников уголовного и процессуального права из сферы военной юстиции особую важность представляет т.п. «Артикул Воинский с кратким толкованием» 1715 г.⁵

Общепризнанным считается мнение, что введение в действие воспо-
уголовного кодекса, каковым и явился Артикул Воинский, завершило
процесс создания российской профессиональной армии, начатый еще в конце
XVII в. с переустройства пехоты (1699 г.). Мощным толчком к военной
реформе стали неудачи начального этапа Северной войны. Неумолимая логика
военных событий вынудила правительство Петра I предпринять ряд практических
шагов по набору армии на новых принципах военной службы, по формированию
ее более современных структурных подразделений, по их вооружению и
обучению с учетом уроков войны, практического боевого опыта, - по
результатам этих конкретных действий и следует в первую очередь судить об
эффективности реформы. Документальный же материал, регламентирующий
эти процессы, должен изучаться с непременно́м учетом его более
опосредованного характера: здесь всегда очень важно отделять декларации о
намерениях от фиксации реального состояния дел.

Свойственная некоторым исследователям (Д.Ф. Масловский, А.З.
Мышлаевский и др.) абсолютизация самостоятельности Артикула Воинского,
его независимости от каких-либо иностранных влияний, представляется не
соответствующей истине. С другой стороны, не выдерживает критики и
противоположная позиция - о том, что данный документ есть непереработанное
воспроизведение на русском языке либо какого-то одного из существовавших
тогда зарубежных военно-уголовных кодексов, либо механическая компиляция
нескольких из них⁶.

Как известно, к кодификации военно-уголовного законодательства были
привлечены ближайшие сподвижники будущего первого российского
императора, отечественные и зарубежные специалисты. Постоянной комиссии,
однако, создано не было: дело начинали одни, продолжали другие, а заканчивали
третьи; постоянным был только инициатор и вдохновитель этой грандиозной
работы - сам Петр I. Все соответствующие иностранные законодательные акты
переводились на русский язык, располагались в таблицы параллельных мест
и соотносились с личными указами и инструкциями Петра. Затем, после
отбора лучших образцов, на их основе разрабатывались отдельные статьи
применительно к специфике русской армии с непременно́м учетом опыта
Северной войны; ряд статей формулировался при этом совершенно
самостоятельно⁷. Таким способом было подготовлено несколько обобщающих
документов: «Краткое обыкновенное учение» - строевой устав пехоты (1700
г.); «Уложение» фельдмаршала Б.П. Шереметева (1702 г.), состоявшее из 10
обширных глав; «Артикул Краткий» князя А.Д. Меншикова (1706 г.),
включавший 12 глав; «Устав прежних лет» (1707-1708 гг.).

С апреля 1712 г. к работе над окончательным редактированием кодекса
приступил сам Петр I. Эта работа осуществлялась им регулярно на время
болезни. Весь накопленный к тому времени материал был изучен им заново.
Содралилось свыше 70 поправок и дополнений, сделанных им собственноручно

в подлинной рукописи Артикула⁸; многие статьи кодекса в его окончательном варианте сохранили слог венценосного редактора. Первое издание Артикула Воинского в составе 24 гл. и 209 статей было осуществлено 26 апреля 1715 г.; в том же году Артикул был переиздан еще раз на русском и немецком языках⁹. В 1719 и 1748 гг. появились еще две новые исправленные публикации Артикула вместе с другими военными законами петровского периода. Наконец, издание 1748 г. было воспроизведено в Полном собрании законов Российской империи, подготовленном комиссией М.М. Сперанского (1830 г.).

По авторитетному свидетельству П.О. Вобровского¹⁰, Артикул Воинский разработан по плану и по форме шведского военного устава Густава-Адольфа 1621-1632 гг. в т.п. новопшведской редакции Карла XI 1683 г., состоявшего из 145 статей, с дополнениями, заимствованными из датского и бранденбургского артикулов, с учетом комментариев П. Паппи на голландские военно-уголовные законы, а также Гойера и Шульца на Бранденбургский артикул курфюрста Фридриха Вильгельма Великого. Ощущается также влияние некоторых других германских артикулов (в частности, прусского и саксонского), которые, в свою очередь, проникнуты идеями Уголовного уложения 1532 г. Карла V (известного под наименованием «Каролины»). Наконец, обнаруживаются параллели с военными ордонамсами французского короля Людовика XIV, суммированными в Военном кодексе 1709 г.¹¹

В компилятивном характере Артикула Воинского не следует усматривать каких-либо признаков его ущербности, так как вообще невозможно назвать ни одного военно-уголовного кодекса любой страны и любого периода, не черпавшего материал из источников японационального происхождения¹². Напротив, факт творческого использования самых современных, передовых европейских уголовных установлений, тщательно отобранных, систематизированных и переработанных, гибко приспособленных к потребностям российской военной организации той переломной эпохи, составляет первостепенное достоинство анализируемого документа¹³.

От своего главного источника - шведского уголовного кодекса - русский Артикул отличают, в частности, более сжатая форма изложения, более глубокая детализация некоторых уголовно-правовых реалий (в частности, наиболее тяжких преступлений), многочисленные новеллы нормативного характера, развернутые толкования, зачастую превышающие объем толкуемых статей¹⁴. Одним словом, Артикул Воинский совершенно изменил и систему, и дух своего скандинавского прообраза; еще дальше отстоит он от своих второстепенных источников. В целом, усилиями Петра и его сподвижников российская армия получила самостоятельные военные законы, отразившие как ее национальную специфику, так и военные идеи ее великого реформатора. Единственное, в чем создатели Артикула заслуживают упрека - это в чрезмерном немативированном заимствовании иностранной терминологии, вследствие чего произошло засорение документа обилием слов немецкого, французского, голландского, польского происхождения, рассыпанных на его страницах в большем количестве, чем того требовала специфика излагаемой информации¹⁵. Впрочем, этот упрек может быть адресован всей государственно-правовой терминологии петровского периода, когда Россия с

непосредственностью неопита присваивала новым явлениям своей жизни зарубежные лингвистические обозначения.

Так обстоит дела с выяснением непосредственных источников Артикула Воинского 1715 г. Однако существует возможность не ограничиваться только констатацией этой очевидности, а предпринять попытки поиска в сферах более глубоких, подспудных, уводящих в дали веков и регионов.

Как было справедливо замечено П.О. Бобровским, в самих романогерманских источниках Артикула Воинского отчетливо прослеживается влияние идей, имеющих старинное греко-римское происхождение. В течение многих столетий эти идеи феоформировали европейскую уголовно-правовую идеологию средневековья и нового времени, а через ее посредство были инкорпорированы и в наш отечественный устав¹⁶. Впрочем, как будет показано ниже, теоретически не исключалась возможность появления каналов и прямого, непосредственного воздействия греко-римской теории на российскую военно-научную методологию. В любом случае исследование каждого из этих двух вариантов приводит к выводу, способному еще и еще раз поразиТЬ феноменом стойкого континуитета тех основополагающих принципов, на которых зиждется система общечеловеческих военно-мировоззренческих концепций, независимо от того, какая именно этническая общность и в какой период своего развития является их носителем.

II

Как известно, основные положения греко-римской военно-теоретической мысли с наибольшей полнотой были воплощены в двух выдающихся памятниках византийской полемологии - «Стратегиконе Маврикия» и «Тактике Льва». Оба эти трактата включают в свой текст специальные главы, являющиеся, по существу, сводом норм военно-уголовного права. В «Стратегиконе Маврикия» этому посвящены три небольшие главы 1 книги: 6-я, которая содержит перечень требований, предъявляемых стратиотам накануне принесения присяги¹⁷, 7-я, включающая требования, адресованные архонтам тагм¹⁸, и 8-я, название которой говорит само за себя: «О воинских наказаниях»¹⁹. В «Тактике Льва» вся эта информация сведена в единую главу, имеющую наименование «О наказаниях военнопослужащих»²⁰.

Кроме «Стратегикона Маврикия» и «Тактики Льва», в византийской литературе существует еще один трактат, специально посвященный военно-уголовной проблематике. Это т.н. «Воинский Закон» (*νόμος στρατιωτικός*) - одно из приложений к Эклоге, регулирующее наказания военнопослужащих, совершивших уголовное преступление или дисциплинарный проступок. Анализ статей Воинского Закона, имеющих параллели в кодексах «Стратегикона Маврикия» и «Тактики Льва», был осуществлен нами ранее²¹. Сейчас нас будет интересовать сопоставление уголовно-правовых идей, содержащихся в трех названных византийских памятниках, с одной стороны, с идеями, получившими свое отражение в российском Артикуле Воинском, с другой²².

Прежде всего, следует отметить, что круг правоотношений, подлежащих урегулированию в Артикуле Воинском, очерчен в полном соответствии с

традиционной проблематикой военно-уголовного законодательства вообще и византийского в частности. Для этой проблематики обязательными являются следующие основные рубрики: субординация рядового и начальствующего состава; обязательность исполнения приказа; недопустимость ущемления социального статуса и материального положения военнослужащих; взаимоотношения армии и мирного населения; волнения и бунты военнослужащих; армейская дисциплина в мирное время; дисциплина сражения; воинская измена; усиленная ответственность за пренебрежение к оружию и воинской атрибутике (в особенности к знамени). Эти рубрики могут быть развернуты в неограниченное количество частных казусов, погядок изложения которых абсолютно произволен: индизигуальная логика конкретного кодификатора является его единственным организующим началом. Если порядок изложения казусов в кодексах «Стратегикона Маврикия» и «Тактики Льва» оказывается почти совпадающим, то уже Воинский Закон располагает материал в иной последовательности; раумеется, еще более специфической является рубрикация российского кодекса. Но при этом практически все сюжеты византийского военно-уголовного кодекса, включенного в «Стратегикон Маврикия» и «Тактику Льва», имеют аналогичные соответствия (как правило, многократно) в Артикуле Воинском. Среди конкретных составов преступлений военнослужащих, известных как всем трем византийским, так и российскому кодексам могут быть названы: неподчинение солдат распоряжениям командиров²³, уклонение от службы²⁴, беззаконие командиров в отношении своих подчиненных²⁵, незаконное освобождение от службы солдата командиром²⁶, организация заговора, тайного сообщества или бунта²⁷, самовольное оставление места в строю, поста или караула²⁸, переход на сторону врага²⁹, мародерство³⁰, причинение ущерба другому военнослужащему или военнообязанному³¹, оставление места с целью грабежа убитых неприятелей или вражеского обоза³², бегство с поля боя³³, утрата знамени³⁴, сознательное оставление оружия³⁵. К ним могут быть добавлены составы, имеющиеся только в византийском Воинском Законе и российском Артикуле Воинском (в «Стратегиконе Маврикия» и «Тактике Льва» они отсутствуют): нарушение императорской воли³⁶, явно выраженное сопротивление начальству, в т.ч. с применением физической силы³⁷, попытка самоубийства³⁸, пьянство³⁹, воровство⁴⁰, прелюбодеяние⁴¹. Лишь единственная норма, имеющаяся во всех трех византийских кодексах⁴², не нашла аналогии в российском законодательстве. Ее содержание состоит в следующем: если во время сражения военнослужащие, размещенные в боевом строю, обратятся в бегство и при этом устремятся не в укрепленный лагерь и не под защиту арьергардных частей, а в какое-либо иное место, то беглецы подлежат наказанию как презревшие своих товарищей. Вероятно, русский законодатель счел данный сюжет слишком частным и для своего времени неактуальным; он предпочел выработку более общей нормы, запрещающей бегство с поля боя во всех случаях, и многократно продублировал ее в статьях главы XII: «О дезертирах и беглецах».

Как византийское, так и российское военно-уголовное законодательство не ограничивалось лишь простым перечислением преступлений, но и соотносило

их между собою по степени тяжести (мерилом последней являлась суровость уголовно-правовой репрессии, предусмотренная соответствующей нормой). В результате выстраивалась градуированная шкала преступлений, позволяющая судить об оценке законодателем степени их общественной опасности. И хотя Артикул Воинский отделен от византийских кодексов целым тысячелетием, в нем не обнаруживается сколько-нибудь серьезных отклонений от традиционных, исторически сложившихся соотношений между теми или иными преступными деяниями. Так, во всех анализируемых памятниках организация заговора, тайного сообщества или бунта рассматривается как общеуголовное преступление максимальной степени тяжести; бегство с поля боя влечет за собой гораздо более суровую ответственность, чем порча или потеря оружия; причинение ущерба мирному населению карается менее строго, чем незаконный сбор военной добычи до окончания сражения, и т.д.

И для византийских, и для российских кодексов характерен подчеркнуто устрашающий характер военно-уголовной ответственности. Среди наказаний безраздельно доминирует смертная казнь. Так, из 20 статей военно-уголовного кодекса «Стратегикона Маврикия» смертная казнь прямо санкционирована в 8 статьях (40% от общего количества). Впрочем, в реальной жизни этот процент мог оказаться и более высоким, поскольку еще в 7 статьях конкретный вид наказания не был установлен и по этим составам смертная казнь теоретически также была возможна; вполне определенно она исключалась лишь в 5 статьях. Аналогичное соотношение свойственно и военно-уголовному кодексу «Тактики Льва». Система наказаний Воинского Закона значительно более ужесточена: здесь из 41 статьи смертная казнь установлена в 22 случаях (почти 54%), еще в 5 статьях она теоретически возможна, в 11 определенно исключена; 3 оставшиеся статьи содержат запреты общего характера. Почти таков же процент наказания смертью в российском Артикуле Воинском: из 209 статей смертная казнь санкционирована в 122 статьях (58,4%).

Выраженно репрессивный характер уголовной ответственности, свойственный и византийским, и российскому кодексам, отчетливо проявился еще в двух отношениях. Во-первых, по некоторым составам преступлений уголовная ответственность предусмотрена не за оконченное преступление и даже не за покушение на него, - криминальной признавалась уже первая стадия преступного действия, т.е. голый умысел. Примером могут служить однотипные нормы как византийского кодекса (43), так и русского Артикула Воинского (44). Во-вторых, в значительном ряде случаев ответственности подлежали не только сами виновники преступления, но и лица, лишь к преступлению прикосновенные. Так, статья VI, 9 «Стратегикона Маврикия» угрожала наказанием не только лицам, виновным в утайке найденного имущества, но и их сообщникам. Уже цитированная статья 7 Воинского Закона заканчивается указанием на то, что высшей мере наказания подлежат не только виновные, но «и единомышленники, и умолчавшие». Особенно часто распространение ответственности на лиц, не являвшихся прямыми виновниками, практиковалось по Артикулу Воинскому. Равную ответственность с виновными несли советчики, помощники и недоносители го факту вооруженного мятежа (ст.19), лица, скупающие у военнотружущих казенное имущество (ст.59) и краденые вещи

(ст.190), коменданты крепости, попустительствовавшие тайной переписке с неприятелями (ст.124), помощники в организации драк между рядовыми (ст.138), а также те, кто эти драки не пресек, хотя и имел к тому возможность (ст.142), советчики и соучастники убийства (ст. 155), подстрекатели к убийству (ст. 161), соучастники в мародерстве (ст.178) и разбое (ст. 185), недочисители по факту казнокрадства (ст. 194), свидетели лживой присяги (ст. 198), лица, попустительствовавшие бегству преступника из-под стражи (ст. 207).

Как наиболее яркий образец объективного вменения (т.е. кары без вины) может рассматриваться наказание в форме децимации - казнь каждого десятого по жребию. Широко распространенная в римско-византийской армейской практике, децимация применялась для наказания той воинской части, которая во время сражения первой бежала с поля боя. Упоминание о ней содержится в ст. VIII, 17 «Стратегикона Маврикия» и в ст. VIII, 21-22 «Тактики Льва»; почти текстуально эта норма воспроизведена в ст. 12 Воинского Закона: «Если во время генерального сражения или битвы троиз-йдет обращение в бегство без какой-либо разумной и видимой причины, мы повелеваем стражи той тагмы, которая первая обратилась в бегство..., расчитать по десять и... (каждого десятого) предать смерти...» В российском Артикуле Воинском децимация упоминается семь раз, но подробно регламентируется тремя статьями (№№ 97, 117, 119), согласно которым все офицеры, виновные в бегстве части, подвергались лишению чести, конфискации имущества и смертной казни, каждый десятый из рядовых по жребию подлежал повешению, а остальные рядовые наказывались шпицрутенами. Кроме того, вся часть подвергалась дополнительному позорящему наказанию - она должна была впредь размещаться вне лагеря («вне обоза») без знамени, пока не искупала свою вину в последующих сражениях. Имелась, впрочем, и оговорка: «Буде же кто невинность свою оказать может, оный пощаду свою получит»⁴⁵. Согласно древним римским правилам, самым серьезным основанием освобождения от наказания было ранение в бою⁴⁶.

Впервые введенная в отечественную военно-уголовную практику Петром I, децимация применялась в российских вооруженных силах с самого начала XVIII в. - с 1701 г.; последний случай ее применения в нашей армии зафиксирован под 1868 г.

В целом, система преступлений военнослужащих, регулируемая российским законодательством, представлена более широко и детально, чем в византийских военно-уголовных кодексах. Более тонко градуирована и шкала наказаний: одних только видов смертной казни в Артикуле Воинском не менее семи (четвертование, колесование, обезглавливание, расстрел, повешение, заливие горла раскаленным металлом, сожжение); детально проработана система телесных (битие шпицрутенами, кнутом, розгами, батогами⁴⁷), имущественных (штрафы, конфискации, вычеты из жалования), изолирующих (ссылка, в т.ч. на галеры, тюремное заключение) и позорящих (лишение чести, выставление на эшафот, шельмование) наказаний. Интересно отметить, что Артикул Воинский возродил применение некоторых традиционно византийских наказаний, нетипичных для русской правовой системы (прощение языка

раскаленным железом⁴⁸, вырывание поздрав⁴⁹, отсечение руки⁵⁰, клеймение⁵¹, отрезание носа и ушей⁵², которые не встречаются в византийских военно-уголовных кодексах, но известны по другим памятникам (например, по Эклоге).

Определенное различие между византийским и российским законодательством проявляется в анализе субъективной стороны преступления. Если Воинский Закон склонен смягчать ответственность за преступление, совершенное в состоянии опьянения (согласно ст. 39 смертная казнь при этом заменяется телесным наказанием и перемещением по службе), то Артикул Воинский, напротив, считает состояние опьянения обстоятельством, отягчающим вину⁵³. Относительно же прелюбодеяния картина обратная: Воинский Закон формулирует общую норму и не предусматривает из нее никаких исключений⁵⁴, тогда как Артикул Воинский указывает на возможность смягчения ответственности, исходя из конкретных обстоятельств дела⁵⁵. В конечном счете, все отмеченные проявления самостоятельности в российском военно-уголовном кодексе имеют своей первопричиной принципиальные отличия социальной и материально-технической базы военной организации России начала XVIII в. от условий функционирования военной машины ранней Византии. Более высокий уровень правовой техники, свойственный Артикулу Воинскому, есть отражение общей прогрессивной эволюции европейской и российской уголовно-правовой мысли начала XVIII в. в сравнении с уголовно-правовыми концепциями позднеримской и ранневизантийской эпохи.

Уже в первой части статьи раскрывался механизм опосредованного (через европейское законодательство) влияния римско-византийских норм на российский военно-уголовный кодекс. Но повторим еще раз: теоретически вовсе не исключается возможность прямого, непосредственного воздействия римско-византийского права на российское.

Общим правилом является такое положение, когда великие военные мыслители и реформаторы, приступая к своей деятельности, прежде всего обращаются к бесценному опыту античности. С этого начинали Морич Саксонский в Германии, А. Тюренн во Франции, Евгений Сачийский в Австрии; не составил исключения и Петр Великий в России. По его заданию были осуществлены переводы ряда военно-научных трактатов древности⁵⁶. Так, в 1692 г. К. Истомину было поручено перевести известное руководство Секста Юлия Фронтиня «Стратегемы», посвященное военным хитростям. В следующем году переводчик преподнес Петру перевод под названием «Книга о хитростях ратных» с дополнительными «Регулами». В то же время Петр подробно ознакомился с переводом «Записок о галийской войне» Юлия Цезаря.

В 1698 г. И.Ф. Копишевский (иногда он подписывался и фамилией Копиерич⁵⁷) осуществил по заданию Петра I переложение на русский язык знаменитой «Тактики Льва» - самого полного и наиболее известного византийского военно-теоретического руководства, датируемого рубежом IX и X столетий. Под названием «Краткое собрание Льва Миротворца, августейшего греческого кесаря, показующее дел воинских обучение» этот труд общим

съемом свыше 150 страниц был опубликован в 1700 г.⁵⁸. Напомним, что VIII главом этого трактата составлял военно-уголовный кодекс; не исключена, следовательно, возможность непосредственного использования его текста разработчиками российского военно-уголовного законодательства. Артикулу Воинскому, документу со столь сложной историей создания, была уготована весьма длительная перспектива практического действия. Лишь сто лет спустя его XII глава «О дезертирах и беглецах» была заменена новым Полевым уголовным уложением 1812 г., учитывающим опыт наполеоновского законодательства⁵⁹. Издававшиеся после 1715 г. отдельные постановления были в конце 30-х гг. XIX в. инкорпорированы в единый Свод военных постановлений; его V часть, содержащая акты военно-уголовного законодательства, составила Военно-уголовный устав 1839 г., который отменил, наконец, действие Артикула Воинского⁶⁰.

Таким образом, практически до середины XIX в. на российской почве функционировали нормы, имеющие прямую генетическую связь с установлениями римско-византийской эпохи. Подобная рецепция, осуществляемая либо опосредованным, либо непосредственным, а скорее всего - комбинируемым способом, есть еще одно свидетельство тесной преемственности в накоплении знаний, которая была изначально свойственна как праву, так и военной науке, по которой оказалась еще более показательной при их тематическом сочтении.

1. О византийских источниках Соборного Уложения. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Пгр.; Киев, 1915. С.222-223. Как свидетельствуют ссылки на источники, содержащиеся на полях подлинного списка Уложения, из светского византийского законодательства заимствовано 25 статей. Есть, однако, основания полагать, что на самом деле таких заимствований гораздо больше. См.: Тиктин Н.И. Византийское право как источник Уложения 1648 г. и новоуказных статей. Одесса, 1898, С. 7-8. При этом составители Уложения имели дело непосредственно с самими текстами византийских источников, возможно, даже не в переводе, а в оригинале. (Там же. С. 33).

2. Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1961. Часть 1. С. 177

3. Загоскин Н. П. История права Московского государства. Казань, 1877 Т.1. С. 137.

4. Там же. С. 82.

5. Пользуемся новейшим изданием: Российское законодательство X-XXвв. М., 1986. Т. 4. С. 327-365.

6. См.: Сергеевич В. Лекции по истории русского права СПб., 1890 с.490;

Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1912. Т. 1. С. 198.

Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пгр., 1915. С 20.

7. См. об этом: Шорина Т. И. Воинские артикулы Петра I. М., 1940. С. 13.

8. Опубликованы в издании: Военные уставы Петра Великого. Сборник документов. Под ред. проф. Н.Л. Рубинштейна. Вступительная статья и комментарии П.П. Ефимова М.: 1946.

9. Факт публикации Артикула сразу на двух языках дал основание некоторым исследователям из Германии утверждать, что именно немецкий текст и является оригиналом; к этому мнению присоединился и ряд русских ученых. (См. об этом: Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 21). Серьезные возражения против такого подхода были выдвинуты П.О. Бобровским (Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. СПб., 1887, С.П), изучившим подлинную рукопись Артикула: первое издание кодекса было осуществлено на одном лишь русском языке; немецкий же перевод, опубликованный в самом ограниченном количестве экземпляров, был предназначен для иноземных офицеров, которые привлекались в русскую армию в качестве наемников еще за два столетия до Петра.

10. Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого. С.9-10.

11. См. Также специальные исследования: Бобровский П. О. Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск (XVI, XVIII и начало XVIII вв.). СПб., 1881. Часть 2; Он же. Военное право в России при Петре Великом. СПб., 1898. Часть 2. Вып.3.

12. В данном случае Петр зависел от иностранных источников не больше, чем любой военный законодатель любой военной державы. (См.: Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе Петра Великого. (ВИ. 1845. № 1. С. 56). Представляются вполне справедливыми слова А.Н. Филиппова (О наказаниях по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М., 1881. С. 389) о том, что «нигде заимствования не могут быть более уместны, как по отношению к войску. И нигде поэтому они не принимаются столь быстро, как по отношению именно к войску».

13. Обратим внимание еще на одну весьма многозначительную деталь. П.О. Бобровский полагал, что обращение Петра именно к шведскому военно-уголовному кодексу как к основному источнику, отнюдь не случайно. Первая, лежащая на поверхности причина заключалась в необходимости изучения опыта своего главного военного соперника, чьи военные законы превосходили по качеству все другие законодательства тогдашней Европы. См.: Бобровский П. О. Старошведское военное право., 1881. С. 9. Но учитывалось и другое, не столь очевидное обстоятельство: шведский кодекс в то время был и самым гуманным в Европе - проникнутый духом протестантизма, он выгодно отличался от обскурантистской идеологии уголовно-правовых установлений германских государств и Франции. См.: Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого. С. 73, 92. Личное участие Петра на завершающем этапе работы над Артикулом имело то последствие, что репрессивный характер этого кодекса, оставшийся в итоге достаточно высоким (см.: Филиппов А. Н. О наказаниях по законодательству Петра Великого. С. 404-406), все-таки был несколько снижен по сравнению с первоначальными проектами. (См. об этом: Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 68, 250-252).

14. См.: Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX столетия). СПб., 1899. С. 18-19.

15. По образному выражению А.Н. Филиппова (История русского права. Русское право от Уложения царя Алексея Михайловича до издания Свода Законов. М., 1885-1886. Части 1-2. С.31), Артикул наполнен «чудовищной какофонией звуков».

16. Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого. С. III-IV; Он же. Военное право в России при Петре Великом. СПб., 1886. Часть II. Вып.2. С. XX: Петр «принял военные законы, над созданием и обработкой которых трудились великие умы народов всей Европы, начиная от древних греков и римлян и оканчивая шведами, датчанами, германцами и французами».

17. Пользуемся новейшим изданием: Das Strategicon des Maurikios, I, 6/ Ed. G.T. Dennis. - Wien, 1981. P. 92-96.

18. Ibid., I, 7. P. 96-98.

19. Ibid. I, 8. P. 98-100.

20. Пользуемся изданием: Leonis Imperatoris Tactica, VIII// PG. 107. 1863. Col. 764 - 768.

21. Кучма В. В. Νομος στρατιωτικός: К вопросу о связях трех памятников византийского военного права// В. 1971. Т. 32.

22. В дальнейшем при ссылках на документы будут использоваться следующие сокращения: СМ - Стратегикон Маврикия, ВЗ - Воинский Закон, ТЛ - Тактика Льва, АВ - Артикул Воинский; используемые издания этих документов указаны в примечаниях 17, 20, 21, 5.

23. СМ, VI, 1-2, 8 = ВЗ, 2-3 = ТЛ, VIII, 2, 8 = АВ, 20-22, 24-29.

24. СМ, VI, 4 = ВЗ, 5, 36 = ТЛ, VIII, 4 = АВ, 71, 80.

25. СМ, VI, 3 = ВЗ, 4 = ТЛ, VIII, 3 = АВ, 33, 53-54.

26. СМ, VII, 14 = ВЗ, 6 = ТЛ, VIII, 15 = АВ, 69-72.

27. СМ, VI, 5 = ВЗ, 1, 17-18 = ТЛ, VIII, 5 = АВ, 19, 133-134, 157.

28. СМ, VI, 6; VII, 15 = ВЗ, 9, 30 = ТЛ, VIII, 6, 16 = АВ, 101-103.

29. СМ, VI, 7 = ВЗ, 7, 23, 32 = ТЛ, VIII, 7 = АВ, 99, 117, 127.

30. СМ, VI, 9 = ВЗ, 10 = ТЛ, VIII, 9 = АВ, 81, 83, 178, 180-181, 185.

31. СМ, VI, 10; VII, 13 = ВЗ, 8, 26 = ТЛ, VIII, 10, 13-14 = АВ, 53-54.

32. СМ, VIII, 16 = ВЗ, II = ТЛ, VIII, 20 = АВ, 83, 104, 106-107.

33. СМ, VIII, 17 = ВЗ, 12 = ТЛ, VIII, 21-22 = АВ, 97-98.

34. СМ, VIII, 18 = ВЗ, 13 = ТЛ, VIII, 23 = АВ, 94-95.

35. См, VIII, 20 = ВЗ, 15 = ТЛ, VIII, 25 = АВ, 57-59.
36. ВЗ, 31 = АВ, 20.
37. ВЗ, 19 = АВ, 21-22, 24-25.
38. ВЗ, 26 = АВ, 164.
39. ВЗ, 39 = АВ, 41-43.
40. ВЗ, 27 = АВ, 186-192.
41. ВЗ, 41 = АВ, 167-176.
42. См, VIII, 19 = ВЗ, 14 = ТЛ, VIII, 24.
43. Напгчмер, ВЗ, 7: Если кого-либо уличат в желании предаться врагам, того следует наказывать высшей мерой наказания...
44. АВ, 127: Кто какую измену, или сему подобное учинить намеритца, и хотя он сс: к действию не произведет, однакож имеет по состоянию дела и признанию воинского суда, таковым же высоким наказанием наказан быть, яко бы за произведенное само действие.
45. АВ, 97.
46. См, VIII, 17 = ВЗ, 12 = ТЛ, VIII, 21-22.
47. См. специальные исследования: Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб. 1904; Евреинов Н. История телесных наказаний в России. СПб., 1913.
48. АВ, 3.
49. Там же. Ст. 63.
50. Там же. Ст. 85, 114, 146.
51. Там же. Ст. 165.
52. Там же. Ст. 188.
53. Там же. Ст. 43: Когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем что зла учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощения получил, но по вине вышнюю жестокостью наказан быть имеет.
54. Ст. 41 Воинского Закона предполагает увольнение со службы и конфискацию имущества.
55. АВ, 167-168, 176.
56. См. об этом: Военные уставы Петра Великого, указано в прим. 8. С. 14-17.
57. См. о нем: Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т.4. С. 245-246.
58. Описание этого издания, а также злоключений издателя, с ним связанных, см. в исследовании: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т.1. С. 13-25, 521-526; Т.2. С.24-25.
59. Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. СПб., 1886. Часть 2. Вып. 2. С. 759-760.
60. См.: Савиков В. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства. СПб., 1869. С. 35.